

9. Rozporządzenie Ministra Pracy i Opieki Społecznej z dnia 28 września 1931 r. w sprawie reorganizacji kas chorych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1931. – № 94. – Poz. 724. – S. 1540–1546.

10. Ustawa z dnia 28 marca 1933 r. o ubezpieczeniu społecznym // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1933. – № 51. – Poz. 396. – S. 903–954.

11. Rozporządzenie Ministra Opieki Społecznej z dnia 30 grudnia 1933 r. o przekształceniu się kas chorych na ubezpieczalnie społeczne i ustaleniu okręgów i siedzib ubezpieczalni // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1933. – № 103. – Poz. 819. – S. 2091–2096.

12. Rozporządzenie Ministra Opieki Społecznej z dnia 28 grudnia 1933 r. o sposobie wydawania leków przez ubezpieczalnie społeczne poza aptekami // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1933. – № 103. – Poz. 814. – S. 2058–2059.

13. Rozporządzenie Ministra Opieki Społecznej z dnia 28 grudnia 1933 r. o wzajemnych stosunkach i współpracy szpitali publicznych i ubezpieczalni społecznych oraz Zakładu Ubezpieczenia na Wypadek Choroby // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1933. – № 103. – Poz. 816. – S. 2061–2062.

УДК 796.032.2«322»(430)«1936»

В. А. Космач

Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ 1936 ГОДА В ГЕРМАНИИ

Статья посвящена истории зимних и летних Олимпийских игр, которые прошли в 1936 г. в национал-социалистической Германии. Это событие до сих пор вызывает неоднозначные оценки у историков. При написании статьи использованы «Мемуары» знаменитой Лени Рифеншталь, личность и судьба которой прошли испытания различными коллизиями и катаклизмами.

Право на проведение XI Олимпийских игр Германия получила в 1931 г., будучи еще Веймарской республикой, т. е. вполне респектабельной и демократичной страной Запада. Несколько необычным был тот факт, что Берлину доверили проведение и зимних и летних Олимпиад 1936 года. За кандидатуру Германии и немецкой столицы проголосовали 43 члена Международного олимпийского комитета (МОК), против – 16, отдавших предпочтение испанской Барселоне. В феврале 1936 г. мастеров лыж и коньков принимал Гармиш-Паркенкирхен (курорт центра зимнего спорта в Верхней Баварии), а в августе того же года спортсмены летних видов спорта собрались и соревновались в Берлине.

Однако в 1933 г. проведение Игр в Берлине, отмечает А. О. Наумов, оказалось под серьезной угрозой. Дело в том, что первоначально Гитлер сомневался в целесообразности проведения Олимпиады, называя ее «изобретением евреев и масонов» и «фестивалем, на котором торжествуют евреи». Однако осознав (не без деятельного участия Геббельса, ментально разглядевшего в Олимпиаде гигантский пропагандистский потенциал), что из этого спортивного мегасобытия можно извлечь серьезные политические дивиденды, а также поправить финансовое положение страны за счет притока иностранной валюты, нацистский лидер изменил свою точку зрения. Бюджет Игр сразу вырос почти в 20 раз, до 100 млн рейхсмарок (сумма эквивалентна современным 750 млн долларов США или 55 млрд российских рублей). В германской столице развернулось масштабное строительство спортивных объектов, а также Олимпийской деревни в Вустермарке – «деревни мира», как называли ее сами нацисты. «Если мы приглашаем в гости весь мир, нужно создать нечто грандиозное и великолепное», – такова была установка Гитлера в отношении строительства олимпийских объектов [1, с. 78–79].

Кроме реконструкции старых объектов в Берлине ударными темпами выстроили стадион на 96 тысяч мест, открытую арену, плавательный бассейн, театр, манеж для верховой езды и олимпийскую деревню с искусственным озером. Стадион строился из натурального камня, поскольку фюрер желал, чтобы олимпийские объекты Германии походили на сооружения Древнего Рима. В Гармиш-Партенкирхене был возведен зимний стадион на 15 тысяч мест и ледовый дворец на 10 тысяч зрителей. Идейно выдержанные художники трудились над созданием сувениров, памятных значков и медалей, в том числе и с нацистской символикой [2, с. 28].

Функционеры Международного олимпийского комитета такое положение дел устраивало, и они старались не замечать диктаторского характера нового режима в Германии. Кроме того, нацисты на протяжении нескольких лет активно «обрабатывали» членов МОК, причем первым объектом их «мягкой силы» на этом направлении стал основатель и почетный президент организации П. де Кубертен, который покинул пост главы МОК еще в 1925 г., но и в 1930-е гг. обладал колоссальным авторитетом в олимпийском движении. Правда, в эти годы он переживал далеко не лучшие времена как с психологической, так с и финансовой точки зрения, чем и воспользовались в Берлине. Барону оказывались беспрецедентные знаки внимания, а он отвечал нацистам взаимностью, комплиментарно отзываясь о Гитлере, который, по его мнению, «проявив свойственную ему волю, противостоял коварным нападкам, посредством которых пытались сорвать проведение Игр». Кубертен даже заверял международную общественность, что Третьему рейху выпала честь быть духовным хранителем олимпизма [1, с. 79].

Для нацистов, отмечает А. О. Наумов, благожелательная позиция Кубертена была как нельзя кстати, ведь, несмотря на благожелательное отношение большинства высших функционеров Международного олимпийского комитета, Германии пришлось столкнуться с серьезным противодействием в ходе подготовки к Олимпиаде. Причиной этому стала репрессивная внутренняя политика национал-социалистов, особенно в отношении еврейского населения. Серьезный скандал разразился непосредственно вокруг самого Национального олимпийского комитета Германии. Его президент Т. Левальд, занимавший этот пост с 1924 г. и много сделавший для получения Берлином статуса столицы Олимпиады, был уволен со своего поста, так как оказался «мишлингом» (по нацистской терминологии – тем, в ком имелаась часть еврейской крови). МОК был возмущен и потребовал восстановления Левальда в должности, пригрозив аннулированием у Берлина прав на проведение Игр, после чего нацистам пришлось пойти на попятную и перевести Левальда в Оргкомитет Олимпиады [1, с. 79].

Немцы шли и на другие уловки, например, снизили транспортные тарифы и организовали бесплатную выдачу виз участникам и гостям зимней и летней Олимпиад (при этом журналистам, освещавшим Зимние игры в баварском Гармиш-Партенкирхене в негативном для нацистов свете, Берлин отказывал в выдаче виз на Игры летние). Но мировое сообщество все равно было чрезвычайно обеспокоено случаями расовой дискриминации, все громче звучали голоса о необходимости бойкотировать «мирную Олимпиаду» нацистов. Кампания получила новый мощный импульс после того, как осенью 1935 г. в Германии были приняты Нюрнбергские расовые законы, лишившие евреев каких-либо гражданских и политических прав.

Пытаясь замаскировать антисемитскую политику, нацистские функционеры показательно позволили принять участие в Играх фехтовальщице Х. Майер, имевшей еврейские корни. В итоге она завоевала серебряную медаль и во время награждения отдала нацистское приветствие и пожала руку фюреру, что должно было еще раз убедить западных наблюдателей (особенно тех, кто сам хотел в это верить) в том, что преследование евреев в Третьем рейхе – не более, чем миф. Стоит в этой связи заметить, что во время Олимпийских игр из немецкого общественно-политического дискурса почти полностью исчезли юдофобские лозунги, прекратились погромы и другие формы издевательств над евреями. Был издан специальный указ, в соответствии с которым на период с 1 июня по 15 сентября в Берлине были

убраны все антисемитские плакаты, растяжки и объявления. «Надписи со словами “Евреи нежелательны”, висевшие в магазинах, гостиницах, пивных, увеселительных заведениях, потихоньку убрали, гонения на евреев и на две христианские церкви временно прекратили, – писал очевидец тех событий, – страна обрела вполне респектабельный облик» [1, с. 79–80]. На подготовку и зимней, и летней Олимпиад были брошены все силы германского МИДа [3].

Лени Рифеншталь увлеченно и с восторгом описывала в своих «Мемуарах» зимние Олимпийские игры 1936 г. в Германии. Она вспоминала: «Шестого февраля 1936 года в Гармиш-Партенкирхене открылись зимние Олимпийские игры. Еще за сутки было не ясно, смогут ли они состояться. Долго не выпадал снег, луга и просеки были скорее зелеными, чем белыми. Но в ночь перед началом Игр пошел желанный и обильный снег. Гармиш-Партенкирхен приобрел великолепный зимний вид.

Я поселилась в гостинице «Гармишер хоф», не только чтобы увидеть Игры в качестве зрителя, но также и поучиться фиксировать камерой спортивные мероприятия. Некоторые из моих операторов опробовали аппараты, оптику и пленку.

Многие спрашивали, почему я не сняла ленту и о зимней Олимпиаде. Это, конечно, выглядело заманчиво, но я понимала, что невозможно в один год сделать два фильма. Летние Олимпийские игры были для меня куда важнее.

В Гармише состоялись увлекательные состязания. Снова феноменально выступила Соня Хени, которая после десяти чемпионатов мира теперь выиграла свою третью золотую олимпийскую медаль. Событием стало и выступление Макси Хербер и Эрнста Байера в парном фигурном катании.

Когда они танцевали свой знаменитый вальс, зрители захлебывались от восторга. В скоростном спуске па лыжах у мужчин немец Ганс Пфнюр быстрее шустрого австрийца Гуцци Ланчнера и завоевал золотую медаль. У женщин первой с большим перевесом пришла Крисгль Кранц, тогдашняя «королева» горнолыжниц.

Олимпиада в Гармише прошла столь успешно, что на заседании Международного Олимпийского комитета 8 июня 1939 года в Лондоне, всего за несколько месяцев до начала войны, тайным голосованием единогласно при воздержавшихся немцах было решено право проведения следующих зимних Олимпийских игр 1940 года снова предоставить Гармиш-Партенкирхену» [4, с. 174–175]. Главным героем Игр стал норвежский конькобежец Ивар Баллангруд, который на 4 дистанциях завоевал три золотые и одну серебряную медаль.

Берлинская летняя Олимпиада состоялась 1–16 августа 1936 г. Предваряла Игры стартовавшая в древних Афинах эстафета олимпийского огня (впервые она состоялась именно тогда). Непосредственно принять участие в грандиозном спортивном празднике приехало более 4 тыс. атлетов из 49 стран мира. По разным причинам – от политических до экономических – в Олимпийских играх не выступали спортсмены СССР, Испании, Литвы, Парагвая и еще нескольких стран, но все равно число представленных государств стало абсолютным рекордом для того времени. То же касалось и посещаемости: если Игры 1932 г. в Лос-Анджелес посетило более 1 млн чел., то в ходе берлинской Олимпиады этот показатель превысил 3 млн. Кроме того, Олимпийские игры 1936 г. стали первыми в истории, трансляция которых проходила в прямом эфире по телевидению. Всего же за спортивным мегасобытием по всему миру посредством радио и телевидения наблюдало более 300 млн чел. – гигантская аудитория, на которую так или иначе воздействовала нацистская пропаганда. В Берлине работало 25 экранов для просмотра спортивных состязаний, а сами соревнования проходили на только что построенном по проекту немецкого архитектора В. Марха громадном и помпезном стотысячном Олимпийском стадионе на западе Берлина. Парадный путь к нему от Бранденбургских ворот был украшен гирляндами и золотыми лентами. В торжественных мероприятиях был даже задействован огромный дирижабль «Гинденбург», оснащенный олимпийскими кольцами на веревках [1, с. 80].

На церемонии закрытия Игр с помощью электрических генераторов на Олимпийском стадионе была создана инсталляция «Храм света». И, разумеется, нельзя не упомянуть

ставший шедевром мирового документального кинематографа фильм Л. Рифеншталь «Олимпия» (в 1938 г., в самый разгар европейского кризиса и поглощения Рейхом Австрии и Чехословакии, этот прославлявший нацистский культ силы фильм завоевал первое место на кинофестивале в Венеции, обойдя «Белоснежку» У. Диснея).

На эмблеме Олимпиады, был изображен восседавший на колоколе с надписью «Зову молодежь мира» нацистский орел с олимпийскими кольцами в когтях. На церемонии открытия Игр была проведена лампадодромия – древнегреческое ритуальное состязание в беге с горящими факелами, что также создавало определенные параллели с нацистскими факельными шествиями. Все эти символы, но сути, были частью «мягкой силы» нацистской Германии, ведь изображение медалей с нацистской символикой и трансляции факельных представлений благодаря средствам массовой информации смогли увидеть миллионы людей. Таким образом они «познакомились» с нацистской атрибутикой, которая вольно или невольно в тот момент ассоциировалась в умах и сердцах зрителей с грандиозным международным событием, олицетворявшим самые возвышенные гуманистические идеалы. Даже нацистское приветствие в виде вскинутой вверх правой руки стало на какой-то момент считаться «олимпийским приветствием» [1, с. 80–81].

Что касается непосредственно спортивных достижений берлинской Олимпиады, то и здесь нацисты оказались в выигрыше. В общем медальном зачете Германия уверенно заняла первое место, завоевав 33 золотых, 26 серебряных и 30 бронзовых медалей (таблица 1). В результате в мировом общественном сознании Игры закрепились как триумф Германии в области высших спортивных достижений, что значительно повысило престиж страны на международной арене. Открытие Олимпиады впервые транслировалось по телевидению в прямом эфире, а олимпийские соревнования стали материалом для создания документального фильма Лени Рифеншталь «Олимпия».

Самым выдающимся спортсменом Игр стал американец Джесси Оуэнс с 4 золотыми медалями. На церемонии открытия Игр была продолжена существующая с 1928 года традиция зажжения олимпийского огня.

Таблица 1 – Количество медалей, завоеванных странами-участницами Берлинской олимпиады

Общее количество медалей					
№	Страна	Золото	Серебро	Бронза	Всего
1	Германия	33	26	30	89
2	США	24	20	12	56
3	Венгрия	10	1	5	16
4	Италия	8	9	5	22
5	Финляндия	7	6	6	19
6	Франция	7	6	6	19
7	Швеция	6	5	9	20
8	Япония	6	4	8	18
9	Нидерланды	6	4	7	17
10	Великобритания	4	7	3	14

«Первого августа 1936 года настал великий час, – писала в «Мемуарах» Лени Рифеншталь, – открытие Олимпийских игр в Берлине. В шесть часов утра мы были готовы к старту. Я дала последние указания по распределению операторов. Сюжеты первого дня были грандиозны: торжественное вступление делегации на стадион, прибытие бегуна с факелом, приветственная речь Гитлера, сотни взлетающих в небо голубей, сочиненный Рихардом Штраусом гимн. Чтобы все это охватить, мы дополнительно задействовали еще 30 кинокамер. Церемонию открытия снимали шестьдесят операторов...

С этого момента всю меня без остатка поглотила работа. Игр я почти не видела. Зачастую даже не имела ин малейшего представления о том, где и что происходит. Например, я не была свидетельницей трагедии, случившейся с немецкой командой в женской эстафете, когда Ильзе Дёрффельдт, опережая на десять метров американку, выронила палочку уже после того, как приняла ее, не слышала я и того, как охнули тысячи зрителей. (Мне приходилось находиться во многих местах одновременно.) Эту сцену я увидела позже, в монтажной» [4, с. 185–186].

Л. Рифеншталь сделала несколько интересных зарисовок вокруг легендарного американца Джесси Оуэнса. Она вспоминала: «Выиграв четыре золотые медали и установив два мировых рекорда, Джесси Оуэнс стал спортивным феноменом Игр. Существует легенда, будто Гитлер из расистских побуждений после победы великого атлета отказался пожать ему руку. Карл фон Хальт, член МОК и президент Олимпийского комитета Германии, осуществлявший общее руководство соревнованиями по легкой атлетике, чуть позже рассказал мне, как все было на самом деле. Впрочем, об этом можно прочесть и в официальном американском сообщении «Об Олимпийских играх». А произошло следующее.

В первый день соревнований Гитлер принял победителей на трибуне для почетных гостей. Но президент Олимпийского комитета Франции граф Байе-Латур отсоветовал ему нарушать впредь олимпийский протокол. Поэтому-то в дальнейшем не было больше никаких рукопожатий.

По моей вине с Джесси Оуэнсом чуть было не произошло несчастье. Одна из наших ям располагалась примерно в двадцати метрах за финишной чертой стометровки. В яме стояли кинооператор и его помощник. Во втором предварительном забеге на 100 метров Оуэнс с невероятной легкостью вихрем промчался по гравийной дорожке и с результатом 10,2 секунды побил тогдашний мировой рекорд, который, правда, не был зарегистрирован из-за дувшего ему в спину ветра. На финише Оуэнсу не удалось сразу снизить скорость бега, и он едва не упал в нашу яму. Только благодаря невероятной реакции бегун смог мгновенно отпрыгнуть в сторону и тем самым предотвратить несчастный случай. Скандал не заставил себя ждать. Нам пришлось прикрыть не только эту яму, но и все остальные. Я вынуждена была обивать пороги чиновников, умоляла и графа Байе-Латура, чтобы нам снова разрешили работать в ямах. Наконец господа из МОК смиловились» [4, с. 186–187].

Олимпийские игры в Берлине посетили многие представители европейской политической элит. Среди почетных гостей были члены королевских фамилий из балканских стран, приближенные итальянского диктатора Б. Муссолини, статс-секретарь британского МИД Р. Ванситтарт и другие известные персоны. Не вызывает сомнения, что все они были, как минимум, впечатлены увиденным в немецкой столице, оказавшись под влиянием «мягкой силы» Рейха. Как верно подчеркивают западные исследователи П. Коттрелл и Т. Нельсон, «нацистские лидеры использовали Олимпийские игры для демонстрации своей силы и для того, чтобы воспользоваться дипломатическими возможностями, которые появились благодаря роли принимающей стороны». Искусно созданный образ открытой и миролюбивой страны и едва ли не пацифистские выступления нацистских бонз значительно ослабили бдительность мирового сообщества и позволили Гитлеру добиться главной цели – тщательно подготовиться к территориальной экспансии в Европе. А. Крюгер и У. Мюррей справедливо утверждают, что Германии можно считать «первой страной, которая использовала пропагандистские возможности Олимпийских игр для усиления собственных позиций в глобальной иерархии власти» [1, с. 81].

С точки зрения А. Ю. Ватлина, Берлинскую Олимпиаду нельзя заносить в череду деяний нацистского режима, которые подталкивали мир ко Второй мировой войне. Несмотря на свой «коричневый привкус», она остается частью истории международного

Олимпийского движения. Властям Третьего рейха, связанным положениями Олимпийской хартии, в целом удалось найти компромисс между идеалами олимпизма и собственной доктриной, стержнем которой была «эстетизация политики». Вопрос о том, насколько Игры 1936 г. «вписывались в ментальную подготовку населения Германии к предстоящей войне», до сих пор вызывает острые споры в историографии.

За этими спорами теряется тот факт, что воздействие Игр на внешний мир было весьма ограниченным. Несмотря на все пропагандистские усилия, их организаторам так и не удалось добиться заметной смены настроений в мировом общественном мнении в пользу утвердившегося в Германии политического режима. Четыре тысячи атлетов из 49 стран приехали в Берлин не для того, чтобы восхищаться достижениями этого режима, и никто из них не покинул столицу Германии убежденным нацистом.

Третий рейх и не пытался присвоить себе XI Олимпиаду. Перед лицом угрозы международного бойкота Геббельсу было важно показать, что Германия осталась такой же «культурной страной», какой она была до 30 января 1933 г. В результате берлинские Игры оказались сотканными из противоречий, равно как и оставленное ими материальное наследие, соединившее в себе воинствующую архаику и культ современной техники. Достаточно назвать колоссальные сооружения Имперского спортивного поля (единственный завершённый архитектурный проект гитлеровской Германии), документальный фильм Лени Рифеншталь «Олимпия», первые телевизионные трансляции со спортивных состязаний, состоявшиеся именно в Берлине в 1936 г. [3, с. 44].

Источники и литература

1. Наумов, А. О. Олимпиада 1936 г. в Берлине как элемент стратегии «мягкой силы» нацистской Германии / А. О. Наумов // Вопросы истории. – 2021, – № 4 (2). – С. 76–84.
2. Зимин, Е. Медаль для фюрера. Как Олимпийский комитет «не заметил» нацизма в Германии / Е. Зимин // Загадки истории. – 2023. – № 20. – С. 28–29.
3. Ватлин, А. Ю. Германский МИД и подготовка Берлинской олимпиады 1936 года / А.Ю. Ватлин // Новая и новейшая история. – 2016. – № 4. – С. 28–44.
4. Рифеншталь, Л. Мемуары / Л. Рифеншталь. – М. : Ладомир, 2006. – 699 с.

УДК 930(47+57):94(476)«1939»

Д. М. Толочко

Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ВОССОЕДИНЕНИЕ БЕЛАРУСИ ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В работе исследуется проблема воссоединения Западной Беларуси с БССР осенью 1939 г. в советской историографии. Автор приходит к выводу, что советская историография заложила основы исследования проблемы интеграции Беларуси осенью 1939 г. В то же время в советской историографии не были изучены вопросы, связанные с ролью, которую оказала республика в материально-технической подготовке похода Красной Армии в Западную Беларусь осенью 1939 г.

Политический и социально-экономические аспекты воссоединения Западной Беларуси с БССР в сентябре 1939 – июне 1941 гг. получили определенное освещение в отечественной и зарубежной историографии. Еще в довоенный период в обобщающих статьях, брошюрах секретарей центрального и областных комитетов КП(б)Б нашли отражение процессы создания партийных и советских органов власти в Западной Беларуси,